

ПРОБЛЕМА ФЕМИНИННОГО И МАСКУЛИННОГО В КОНЦЕПЦИЯХ ФИЛОСОФОВ АНТИЧНОСТИ

Наталья Костюк

*Днепропетровский национальный университет железнодорожного транспорта
имени академика В. Лазаряна*

Анотації:

Предмет исследования – концепт формирования пола в классической западноевропейской философии, способы проявления мужского и женского в социокультурной среде в концепциях философов античности. Теоретическая актуальность заявленной темы вырастает из практической, поскольку очевидно, что вопросы о женской и мужской природе, о том, что значит быть мужчиной и женщиной в социуме, казавшиеся еще несколько десятилетий тому назад уже решенными, вновь требуют своего осмысления в силу и новых концепций постмодернистов, и нового опыта жизни женщины и мужчины. Античный мир, оставив современному культурному человечеству великое по своему значению наследие, заложив основы философии и науки в целом, во многом определил последующее отношение к женщине. В эллинистическом мире впервые предстали перед человечеством «радость, красота и любовь»; именно в этом мире – корни современного андроцентризма и гендерного неравенства. Поэтому в социальной организации человечества и в культуре античности соотношение мужского и женского приводит к всеобщему разделению по половому признаку.

Костюк Наталья. Проблема феминного та маскулінного у концепціях філософів античності

Предмет дослідження – концепт формування статі у класичній західноєвропейській філософії, засоби виявлення чоловічого та жіночого в соціокультурному середовищі в концепціях філософів античності. Теоретична актуальність заявленої теми походить від практичної, оскільки очевидно, що питання про жіноче та чоловіче у природі, про те, що означає бути чоловіком чи жінкою в соціумі, які видавалося ще декілька десятиріч тому вже вирішеними, знову вимагають осмислення в силу нових концепцій постмодерністів і нового досвіду в житті жінки та чоловіка. Античний світ, залишивши сучасному культурному людству величезний за своїм значенням спадок, заклавши основи філософії і, в цілому, науки, переважно визначив наступне ставлення до жінки. В елліністичному світі вперше постали перед суспільством «радість, краса й кохання», саме в цьому світі – коріння сучасного андроцентризму й гендерної нерівності. Саме тому в соціальній організації людства і загалом у культурі античності співвідношення чоловічого та жіночого веде до загального розподілу за статевими ознаками.

Kostyuk Natalia. The problem of feminine and masculine nature in the conceptions of ancient philosophers

The subject of this article is formation of sex concept in the classical West-European philosophy, the ways of manifesting masculine and feminine nature in the social-cultural surroundings in conceptions of the ancient philosophers. Theoretical relevance of the subject of investigation is caused by the practical one, as the problems concerning male and female nature and roles in the society that only a few decades ago seemed to have been solved require consideration in the light of the current postmodernists' theories and new life experience of men and women. The ancient world gave modern mankind great cultural heritage having created the basis of philosophy and science and predetermined the attitude to women for centuries to come. «Joy, beauty and love» first appeared to the Hellenistic world and it was the beginning of the modern androcentrism and gender inequality. That is why the correlation of male and female nature in the social organization and in the entire ancient culture has turned out to be divisive.

Ключові слова:

гендер, феминное, маскулинное, андроцентризм, античность.

гендер, фемінінне, маскулінне, андроцентризм, античність.

gender, feminine, masculine, androcentrism, ancient.

Проблемы, связанные с формированием концептов пола в античной философии и культуре, представляют собой предмет особого интереса для современного исследователя, поскольку способы проявления мужского и женского в социокультурной среде сегодня претерпевают значительные изменения, иллюстрируя сложный характер взаимосвязи маскулинности и феминности, политического и частного, свободы и гражданства и т. д. Как отмечают ученые, существование политических, социальных, экономических, религиозных различий между мужчинами и женщинами в современных обществах делает необходимым обращение к глубинным историческим основаниям их возникновения и функционирования [4, с. 240-245]. Ученые подчеркивают: новейшие исследования в области гендерной проблематики должны учитывать научные подходы, касающиеся различных аспектов гендерного анализа репрезентаций мужского и женского в социуме [6, с. 85]. Следует отметить, что хотя гендер-

ные исследования и развиваются сегодня довольно динамично в нашей стране (В. Агеева, И. Жеребкина, Н. Гундарева, О. Забужко, Л. Кобылянская и др.), все же многие работы демонстрируют некоторую неопределенность методологических и общемировоззренческих установок.

Касаясь вопросов пола и гендера, ученые, как правило, предпочитают исходить из позиций либеральной нейтральности, что, несомненно, объясняется и общим процессом глубинных трансформаций «постсовременности», и поисками новых методологий и подходов к анализу современных социальных феноменов.

Теоретическая актуальность заявленной темы вырастает из практической, поскольку очевидно, что вопросы о женской и мужской природе, о том, что значит быть мужчиной и женщиной в социуме, казавшиеся еще несколько десятилетий назад решенными, вновь требуют осмысления в силу и новых концепций постмодернистов, и нового

опыта жизни женщины и мужчины. Во многих западных странах данное осмысление протекает в гуманитарных науках уже достаточно долго и продуктивно: женщина на Западе оказывается сегодня одним из наиболее изучаемых предметов междисциплинарных и кросскультурных исследований. Поэтому рассматривать проблему пола без того теоретического багажа, который уже накоплен в работах таких ученых, как Р. Коцин, П. Дейчер, Э. Кларк, М. Гатенс и др., сегодня невозможно. В Украине и России гендерные исследования возникли позже и, в целом, развиваются медленно, но, тем не менее, опубликовано уже немало значительных работ, посвященных проблемам пола и гендера, современной теории феминизма. Здесь могут быть названы исследования Н. Чухим, О. Забужко, В. Агеевой, И. Жеребкиной, Г. Брандт, С. Айвазовой, О. Ворониной, Н. Шведовой, С. Ушакина и многих других.

Следует сразу же заметить, что в современной философской теории концепты пола анализируются, как правило, в общем контексте либо феминистской, либо гендерной проблематики без выделения их в качестве предмета для отдельного исследования. Новизна научного анализа, принятого в данной статье, заключается в выделении теоретических оснований определения специфики пола в античный и средневековый периоды истории европейской философии, в выявлении основных парадигматических подходов к интерпретации феномена пола в науке и культуре.

Прежде, чем приступить к проблеме дефиниции пола, необходимо, как представляется, сразу же подчеркнуть существенные, концептуальные различия между полом и гендером, фиксируя внимание на том, что пол связан с анатомией и физиологией, в то время как гендер – это сфера мыслей, чувств, фантазий, которые имеют не биологическую, а культурную коннотацию и интерпретируются в качестве родовой сущности человека [9, с. 159]. Необходимо также помнить о том, что основным вкладом гендерной теории в исследование проблемы мужского и женского, маскулинного и фемининного было доказательство того факта, что природа женщины (как и мужчины) не есть некая естественная детерминированная биологией константа, она представляет собой исторически подвижную форму социальной организации людей, и отсюда вытекает главная особенность гендерного подхода к анализу мужского/женского, заключающаяся в открытии универсального значения социокультурного измерения пола в жизни человека и общества [3, с. 9].

Практически во всех философских концепциях и школах мужское и женское начала рассматриваются как противоположные, хотя и взаимосвязанные онтологические и гносеологические принципы: маскулинность символизирует духов-

ное, божественное, культурное, рациональное и универсальное, а фемининность – природное, телесное, нерациональное и частное. Эти бинарные оппозиции детерминированы отнюдь не половым диморфизмом людей, а такими характеристиками западного типа философствования, как ценностно-иерархическое мышление и нормативный дуализм. Под ценностно-нормативным мышлением понимается такой подход, когда философы пытаются упорядочить различия или разнообразие в соответствии с некоторой иерархической схемой, называя это «логикой доминирования». Нормативный дуализм – это метод дифференциации связанных между собой явлений, которые дополняют друг друга или даже просто не могут существовать друг без друга, – например, дух и тело, мышление и чувства, день и ночь.

Эти свойства западного философствования отчетливо можно видеть уже в пифагорейской картине мира, основанной на бинарных парах категорий, причем мужское начало размещено в одном ряду с такими понятиями, как форма, дух, порядок, разум, четное, правое, свет, добро, а женское начало – с противоположными категориями бесформенности, материи, хаоса, телесности, нечетного, левого, тьмы, зла. Другими словами, бинаризм мышления и его ценностная нейтральность «во многом детерминируют способы восприятия, категоризации и социального структурирования половых различий» [1, с. 607].

Как отмечают ученые, еще в античности человеческая мысль задается вопросом: что есть человек? Именно пафос человеческого самоопределения стал причиной той мощной тенденции античной философии, где разум и дух оказались однозначно приоритетными сферами, в то время как телесно-чувственная сторона рассматривалась как нечто низменное, как едва ли не животное, которое человеку предстоит преодолевать всю сознательную жизнь.

Улле Мартин Хейстад, размышляя о сложном мире античного человека, пишет, что у обретенного духа и осознанной души имеется обратная сторона, то есть сторона, скрытая за общепринятым представлением о человеке и модели антропологического развития. Именно этой незаметной и затерянной истории посвящена работа немецкого феноменолога Германа Шмица о философии тела. Обретя дух и превратившись в объект саморефлексии, человек принялся скрывать телесное, считая тело бессмысленным и отвергая его как источник познания. Развитие духа Шмиц характеризует следующим образом: «Обретение духа ведет к потере телесного». Значение тела преуменьшается и недооценивается, что приводит к противопоставлению телесного и духовного, разума и чувств, которое постепенно становится все более распространенным в древнегреческой, элли-

нистической, а позднее – в европейской культуре. Основной задачей для Шмица было показать, как много теряет человек (в интеллектуальном и эмоциональном планах), переосмысливая и тем самым недооценивая такую важную составляющую собственной личности, как тело. Для того, чтобы осознать созидательные возможности телесного, Шмиц возвращается к эпохе до «обретения духа» и перехода от «мифа к логосу», то есть от времени жизни Гомера до момента письменной фиксации его эпоса [12, с. 317].

Гомеровский человек характеризуется как симфония импульсов и «голосов» различного физиологического происхождения. В отличие от современного человека, он воспринимает свое тело не как единый организм, а как нечто неоднородное, наделенное различными характеристиками, то есть гомеровский человек обладает не телом (в нашем понимании этого слова), а множеством различных органов и частей тела. Для Гомера тело оживляется не за счет сердца, а за счет крови. Ядром гомеровских представлений о человеке становится идея телесного воплощения сил, вызывающих импульс активности и побуждающих к действию. Это означает, что отдельно четко выраженного физиологического центра или органа для Гомера не существует. В текстах гомеровских поэм отсутствует множество необходимых и важных для нас, современных людей, понятий, относящихся к изображению человека. У него, например, нет слов, обозначающих индивидуальность, личность и ее особенности. Как утверждает эротика стала одним из самых ценных подарков, полученных человечеством от древних греков. Не осуждая сексуальное желание с позиции морали, они превратили эотику в искусство. Тем не менее, понятие любви тогда еще было неопределенным, поэтому Гомер о ней умалчивает, рассказывая вместо этого о страстях, овладевающих его героями и терзающих их сердца, когда герои пытаются достичь своей эротической цели и борются за Прекрасную Елену или из-за нее.

На ранних этапах развития философии, в античной натурфилософии V-VI вв. до н. э., антропологическая проблематика рассматривалась исключительно в контексте проблем натурфилософии, где мужское и женское являются лишь двумя чередующимися и дополняющими друг друга началами, посредством которых задается как структура космического целого, так и человеческого бытия – день / ночь, жизнь / смерть, светлое / темное и т. п. [8, с. 390]. Для античных философов разум, который отождествлялся с мужским началом, тождествен добродетели. Философское познание представляет созерцание внешних форм в абстрагировании от непознаваемой, нерациональной материи. Оно возможно только при жестком контроле над телесностью и чувственным

опытом, который должен быть свободен от всего случайного и хаотического. Однако чувственность (Эрос) играет значительную роль в мироощущении и мировосприятии греков, поэтому, например, Платон не может вывести ее за рамки своей системы. Он находит другое решение – выделяет высший тип чувственности, то есть «духовный», или «небесный мужской Эрос», который воплощается в философии. Чувственность, не подчиненная разуму, обремененная случайными влечениями, называется Платоном «низшим женским Эросом». Он проявляется в быту и представляет собой угрозу разуму. Таким образом, Платон исключает женский субъект из философского знания.

В целом, взгляды Платона на женщин весьма противоречивы. Так, в диалоге «Тимей» Платон утверждал, что души трусливых и бесчестных мужчин после их смерти переходят в женщин. А в «Пире» он рассказывает легенду об андрогинах, соединявших в себе мужское и женское начала, что дало им силы бросить вызов богам. Разорванные по приказу Зевса на две половинки, мужское и женское начала стремятся воссоединиться в любви. Женщины, представляющие половинку прежней женщины, к мужчинам не очень расположены, их больше привлекают женщины. И мужчин, представляющих собой половинку прежнего мужчины, влечет ко всему мужскому. Отсюда возникает однополая и разнополая любовь. Считается, что легенда об андрогинах символизирует идею целостной природы человека и отчасти свидетельствует о высокой оценке Платоном женского начала. Другим доказательством высокой оценки женского начала считают утверждение Платона, что в «идеальном государстве» женщины могут быть «философами – монархами» или «стражами». Как известно, Платона иногда называют «первым феминистом». Высказанные в «Государстве» идеи о предоставлении женщинам-стражам равных прав с мужчинами-стражами, о равном образовании для «мужского и женского пола», о допущении женщин на уровень управления идеальным государством – весьма радикальны. Но, как отмечается, эти идеи вытекали не из стремления эмансипировать женщин и не из-за высокой оценки Платоном женского начала, а из его политической концепции. Платон считал, что частные интересы и частная собственность, воплощенные в значительной степени в семье, препятствуют созданию и функционированию идеального государства. Выход он видел в том, чтобы обуздать «низкий женский Эрос» посредством депривации семьи, введения института общих жен и детей и общественного воспитания детей мужчинами и женщинами. Как пишут исследователи, упразднив семью и домашнее воспитание

детей, Платон был вынужден превратить женщин в мужчин [10, с. 205].

Аристотель в еще большей степени отождествлял познание и рациональность с активным мужским началом, а хаотичную материю как низшую субстанцию – с пассивным женским. Аристотель утверждал, что истинным родителем всегда является мужчина. Именно он определяет в процессе оплодотворения пассивной матери активную форму, то есть душу будущего человеческого существа, в то время как женщина играет роль пассивного сосуда. Аристотель считал, что женщина – это низшее существо, «как бы бесплодный мужчина», поскольку в ней отсутствует принцип «души», тождественный рациональности. Аристотель рассматривал женственность как некий «природный недостаток», поскольку женская особь проявляется тогда, когда мужское начало терпит поражение. Аристотель, ссылаясь на существование двуполох самооплодотворяющихся животных, считал, что разделение полов имеет небиологические основания, поскольку оно не необходимо для воспроизводства человеческого рода. Аристотель считал половую дифференциацию онтологическим принципом: «лучше, когда высший принцип отделен от низшего; поэтому, если это возможно, и там, где это возможно, мужское отделено от женского» [2, с. 90].

Идеи Аристотеля легли в основу европейской философии права. Для него не существует абстрактного равенства, для него различия выступали логическим основанием для построения политической иерархии. Аристотель считал, что равенство возможно только между одинаковыми, подобными гражданами и не может быть распространено на непохожих, различных между собой людей. По его мнению, биологические различия между мужчинами и женщинами являются основанием их политического неравенства. Мужчина – это полноценный гражданин полиса, отмеченный признаками рациональности и политичности, он отождествляет собой понятие «Человек»; женщина по сравнению с ним есть существо низшего типа, неполноценное, лишённое рациональности. Аристотель постоянно подчеркивает, что мужчина по своей природе выше женщины, и мужчина властвует, а женщина находится в подчинении. Аристотель делит общество на две отдельные и соподчиненные сферы – политики и домашнего хозяйства. Предназначение второй, низшей сферы, домашнего хозяйства, – служить удовлетворению телесных потребностей мужчин, чтобы они, свободные от бытовых нужд, имели возможность посвятить себя высшей, политической жизни. Необходимо отметить, что эти идеи Аристотеля легли в основу развившейся впоследствии европейской философии права. По Аристотелю, исключение женщин из сферы публичного бази-

руется, главным образом, не на их роли «хранительниц домашнего очага», а на недостатке рационального мышления. Поскольку полис является сферой деятельности для логоса, женщина, в которой логос не доминирует, не может быть полноценным участником жизни полиса.

Таким образом, несмотря на все различия между мыслителями античности, традиционные постулаты западной классической философской мысли конструируются, – как было показано у Платона и Аристотеля, – через исключение женщин и всего того, что ассоциируется с феминностью, из сферы публичного, политического, общественного. В этой связи представляется уместным обратиться к трактатам Цицерона, который был для многих последующих поколений ученых прежде всего философом и моралистом. Как утверждается, этика Цицерона оказала огромное влияние на христианское учение о морали и даже в какой-то мере легла в его основу. Трактат Цицерона «Об обязанностях» пользовался признанием в эпоху господства рационалистических воззрений; накануне Французской революции о нем очень высоко отзывался Вольтер, а Фридрих II писал, что это «лучшее сочинение по нравственной философии, которое когда-либо было или будет написано» [11, с. 165]. Таким образом, и в XVIII в. трактаты Цицерона воспринимались не только как памятники античной мысли и литературы, но и как действенное пособие по прикладной морали.

Бесспорно, образ идеального (и вместе с тем рядового) гражданина, рисуемого в трактате «Об обязанностях», – это образ мужчины. Этот мужчина наделен разумом, который внушает ему особую любовь к потомству, он любит и оберегает свою «жену, детей и других людей» [13, с. 61]. Он склонен изучать и исследовать истину, к чему присоединяется «стремление главенствовать», потому что «человек, хорошо одаренный от природы, соглашается повиноваться только человеку либо наставляющему, либо обучающему его, либо справедливо и законно повелевающему им для общего блага» [13, с. 61]. Но, описывая далее «нравственную красоту», справедливость и т. п., Цицерон никогда не апеллирует к женщине: он говорит о друзьях, о рабах, о недругах, но не о женщине. Когда он пишет о желании продолжить свой род, то упоминает само супружество, семью как «рассадник государства», но связи, которые он упоминает, – это связи «между братьями, затем между двоюродными братьями и сыновьями» [13, с. 72]. И для Цицерона «из всех обществ нет лучшего, нет более прочного, чем такое, где честные мужи, нравами своими одни на других похожие, связаны дружескими отношениями» [13, с. 72]. Перечисляя тех, кто «нам дороги» – родителей, детей, родственников, – Цицерон не

вспоминает женщин. Таким образом, Цицерон не только не включает женщин в общественную, гражданскую сферу, но и не упоминает о ней в частной, семейной сфере: женщина – «фигура умолчания» не только в риторике Цицерона, но и в его философских рассуждениях.

Необходимо отметить, что женщины, в целом, занимают видное место в произведениях Еврипида, которого в древности называли «философом на сцене». По-видимому, в то время уже начали интересоваться личным миром женщин, их душевным складом, возникал вопрос о положении женщин в семье и обществе («Гекуба», «Троянки», «Электра», «Финикиянки», «Ифигения в Авлиде», «Алкеста», «Медея», «Андромаха»). В «Гекубе» Еврипид рисует патетический образ царицы, воплотивший весь трагизм положения матери, обездоленной войной (гибель мужа, любимых сыновей; младшая дочь, Поликсена, приносится в жертву на могиле Ахилла; сама Гекуба из могущественной царицы Трои превратилась в жалкую добычу ахейцев). Гражданская патетика образа Гекубы необычайно усилена Еврипидом: Гекуба, находясь в ахейском плену, узнав о вероломном предательстве фракийского царя Полиместора, заманила его с детьми в свою палатку и при помощи троянских женщин умертвила его детей, а самого Полиместора ослепила [7, с. 401]. Даже когда ослепленный Полиместор предрекает Гекубе гибель в пучине волн, превращение её в «огнеоую собаку» (о чем ему поведал вещий Дионис»), Гекуба восклицает: «Пусть будет так: ты всё же наказан мною!» [7, с. 400].

Ещё мощнее эти героико-патриотические ноты звучат в трагедии «Ифигения в Авлиде». Если жизнь юной Ифигении нужна для Эллады, то дочь верховного полководца Агамемнона не откажется от своего долга: «Неприлично гнутья грекам перед варварами на троне. Здесь – свобода, в Трое – рабство» [7, с. 345]. В «Алкесте» также развивается тема жертвенности, – правда, теперь уже в личном плане, – и вновь собой жертвует женщина; когда фессалийскому царю Ахмету пришлось искать себе замену перед лицом смерти, то таким верным другом оказалась его жена Алкеста. Но все же женские образы Еврипида – это, скорее, исключение из общего пренебрежения античного мира к духовному миру женщин. Это важно ещё и потому, что связано с характерным для античной Греции принципиальным

предпочтением гомосексуальной любви, принявшей самые различные формы: воинское товарищество, взаимоотношения духовного наставника и ученика и т. п.

Шаг вперед делает римская любовная поэзия (Катулл, Тибулл, Овидий), которая открыла в любимой женщине автономную личность, то пугающую своим загадочным своеволием, то вызывающую наряду с влюбленностью нежность и сострадание; женщину, заставляющую испытывать самые разные чувства – от восторга до отвращения. Когда молодой Овидий писал свои любовные элегии, общим эмоциональным знаменателем этого жанра была любовь. Когда ссыльный Овидий взялся за свои «Скорбные элегии», то главными темами становится одиночество и память друзей. Ученые подчеркивают: дружба в римском сознании была почти юридическим отношением, одной из основных связей, скрепляющих общество. Для Катулла, например, измена в дружбе так же ужасна, как измена в любви [5, с. 189]. Овидий подхватывает эту тему, дружба для него – важнейшая духовная ценность, основа дружбы – духовная общность. Но такая дружба – редкость. Жена – единственное лицо в мире «Скорбных элегий», которое разделяет мучения одинокого поэта. От этого ему и легче, и тяжелее: ему совестно быть причиной страданий близкого человека – чувство, очень редкое в античной литературе, тем более, относящееся к женщине.

Таким образом, женщина (жена) – не только идеальная супруга, она идеальный друг, она упорядочивает хаос мира вокруг поэта и хаос чувств внутри его, именно поэтому этот образ так важен в поэтической системе понтийских элегий Овидия, несомненно оказавших огромное влияние на мировую литературу. Античный мир, оставив современному культурному человечеству великое по своему значению наследие, заложив основы философии и науки в целом, во многом определил последующее отношение к женщине. В эллинском мире впервые предстали перед человечеством «радость, красота и любовь», именно в этом мире – корни современного андроцентризма и гендерного неравенства. Поэтому в социальной организации человечества и, в целом, культуре античности соотнесение мужского и женского приводит к всеобщему разделению по половому признаку.

Список використаних джерел

1. Аверинцев С. С. Символ / Аверинцев С. С. // Философский энциклопедический словарь / Гл. ред. Ильичев Л. Ф., Федосеев П. Н. и др. — М.: Советская энциклопедия, 1993. — 607 с.
2. Аристотель. О возникновении животных / Аристотель; пер. с греч. В. П. Карпова; под ред. и с

References

1. Averincev, S. S. (1993). *The Symbol*. Moscow: Soviet encyclopedia. [in Russian]
2. Aristotel'. (1940). *About the origin of animals*. (V. P. Karpov, Trans., B. A. Starostin, Ed.). Moscow-Leningrad: Academy of Sciences of the USSR. [in Russian]

- прим. Б. А. Старостина. — М.—Л. : Изд-во Академии Наук СССР, 1940. — 90 с.
3. Брандт Г. Природа женщины как проблема теории феминизма : историко-философский анализ: автореф. дис. ... доктора филос. наук / Галина Андреевна Брандт ; Урал. гос. техн. ун-т. — Екатеринбург, 2000. — 19 с.
 4. Власова Т. И. Влияние христианства на формирование гендерных стереотипов в средневековой культуре / Т. И. Власова // Філософія, культура, життя: міжвузівський збірн. наук. праць. — Дніпропетровськ, 2006. — С. 240—245.
 5. Гаспаров М. Л. Овидий в изгнании / Гаспаров М. Л. // Овидий. Скорбные элегии. Письма с Понта ; изд. подготовили М. Л. Гаспаров, С. А. Ошеров ; отв. ред. Ф. А. Петровский. — М. : Наука, 1978. — С. 5—32.
 6. Грабовська І. Гендерна проблематика у вимірі сучасного націоналізму / І. Грабовська // Пошуки гендерної паритетності : український контекст. — Ніжин : Вид. НДУ ім. Гоголя, 2007. — С. 14-24.
 7. Еврипид. Трагедии. — Т. 1. — М. : Издательство «Художественная литература», 1969. — 497 с.
 8. Жеребкин С. Гендерная проблематика в философии / Сергей Жеребкин // Введение в гендерные исследования. Часть 1. — Харьков : ХЦГИ, 2001. — 390 с.
 9. Павличко С. Фемінізм / Соломія Павличко. — К. : Вид-во Соломії Павличко «Основи» 1999. — 269 с.
 10. Платон. Тимей. Сочинение в трех томах / Платон : под общ. ред. А. Ф. Лосева и В. Ф. Асмуса. — М. : Мысль, 1970. — 707 с.
 11. Утченко С. Л. Трактат Цицерона «Об обязанностях» и образ идеального гражданина / Утченко С. Л. // Марк Туллий Цицерон. О старости. О дружбе. Об обязанностях ; пер. с лат. и коммент. В. О. Горенштейна. — М. : Наука, 1974. — С. 159—174.
 12. Хейстад У. М. История сердца в мировой культуре : от Античности до современности / Уле Мартин Хейстад ; пер. с норвеж. С. Карпушиной, А. Наумовой. — М. : Текст, 2009. — 357 с.
 13. Цицерон. О старости. О дружбе. Об обязанностях / Марк Туллий Цицерон ; пер. с лат. и коммент. В. О. Горенштейна. — М. : Наука, 1974. — 320 с.
 3. Brandt, G. (2000). *The nature of women as the problem of the theory of feminism: historical-philosophical analysis*. Thesis Submitted in Partial Fulfillments of the Requirements for the Degree of Doctor of Philosophical Sciences. Ekaterinburg. [in Russian]
 4. Vlasova, T. I. (2006). *The influence of christianity into the formation of gender stereotypes in medieval culture*. In: Philosophy, culture, life: university collection of scientific works. Dnipropetrovsk. [in Russian]
 5. Gasparov M. L. (1978). *Ovidij in expatriation*. In: Pity elegies. Letters from Pont. Moscow: Science. [in Russian]
 6. Hrabov'ska, I. (2007). *Gender problematic in the measuring of contemporary nationalism*. In: The searches of gender parity: Ukrainian context. Nizhyn: SRU named after Hohol. [in Ukrainian]
 7. Evripid. (1969). *Tragedies. Part 1*. Moscow: Fiction. [in Russian]
 8. Zherebkin, S. (2001). *Gender problematic in philosophy*. In: The introduction into gender studies. Part 1. Harkiv: HCGI, 2001. [in Russian]
 9. Pavlychko, S. (1999). *Feminism*. Kiev: Solomiya Pavlychko Press 'Bases'. [in Ukrainian]
 10. Platon. (1970). *Timej*. Compositions in three volumes (A. F. Losev & V. F. Asmus (Eds.)). Moscow: Thout. [in Russian]
 11. Utchenko, S. L. (1974). *Treatise of Ciceron 'About responsibilities and the image of the ideal citizen'*. In: About old age. About friendship. About responsibilities. (V. O. Gorenshvejna, Trans.). Moscow: Nauka. [in Russian]
 12. Hejstad, U. M. (2009). *The history of the heart in the world culture: from antiquiti to the present*. (S. Karpushina & A. Naumova, Trans.). Moscow: Text. [in Russian].
 13. Ciceron. (1974). *About old age. About friendship. About responsibilities*. (V. O. Gorenshvejna, Trans.). Moscow: Science. [in Russian]

Відомості про автора:

Костюк Наталя Петрівна

Дніпропетровський національний університет
залізничного транспорту імені академіка В. Лазаряна,
вул. Ак. Лазаряна, 2, м. Дніпропетровськ,
49010, Україна
doi:10.7905/vers.v0i2.579

Надійшла до редакції: 14.03.2013 р.

Прийнята до друку: 15.04.2013 р.